

«Праксеологическое правило» Г. Гарфинкеля в этнометодологическом исследовании порядка*

Николай Слобода

Аспирант Школы философии и культурологии, стажер-исследователь
Научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105066 Российская Федерация
E-mail: nsloboda@hse.ru

В статье рассматривается «праксеологическое правило», являющееся частью этнометодологии. Автор исследует это правило в связи с проблемой социального порядка в двух взаимосвязанных аспектах — онтологическом и эпистемологическом. С одной стороны, «праксеологическое правило» можно обнаружить в повседневном конституировании локальных порядков, а с другой — это правило использовано Гарфинкелем в качестве познавательного принципа. Апелляция к идее «праксеологического правила» позволяет Гарфинкелю расчертить концептуальное поле этнометодологии, сначала сосредоточившись на критике теоретически агрегированного социального порядка, разрабатывая альтернативное понимание социального порядка (конститутивного). Затем (в 1970-х) происходит трансформация исследовательской политики этнометодологии. Результатом этой трансформации стало более радикальное понимание конститутивного порядка. Вместе с тем радикализации подвергается и «праксеологическое правило». Это правило теперь соотносится со следованием не интерпретативным ориентациям акторов в совместном конституировании порядков, но со следованием автохтонному конститутивному порядку, не требующему никакой специальной теории.

Основной вклад статьи заключается в том, что она демонстрирует, как, обращаясь к идее «праксеологического правила», можно проследить исследовательскую политику этнометодологии и связь этой политики с проблемой порядка в процессе эволюции идей Г. Гарфинкеля. Обращение к «праксеологическому правилу» позволяет наметить как феноменологическую, так и прагматистскую стратегии мышления Гарфинкеля, разрешающего трудность соотношения формального и неформального в производстве и исследовании практик, конституирующих социальный порядок.

Ключевые слова: праксеологическое правило, социальный порядок, повседневная рациональность, автохтонный порядок, рутинные практики, ситуационизм

Термин «праксеологическое правило» в качестве самостоятельной темы не подвергался рассмотрению в опубликованных работах Г. Гарфинкеля. Можно сказать даже, что «праксеологическое правило» Гарфинкеля — это не точный термин, а скорее, теоретическая ориентация, которая возникла из его этнометодологического проекта. Суть этой ориентации заключается в том, чтобы подчеркнуть, что «правила», которыми мы руководствуемся в повседневной практике, являются «живыми, практическими достижениями», а не абстрактными когнитивными конструкциями. Эта идея выкристаллизовалась уже в 1950–1960-х годах как итог

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

эмпирических исследований Гарфинкеля и углубилась в его более поздних работах. Сосредоточившись на «ситуативном, воплощенном и описуемом/объяснимом» характере соблюдения правил, Гарфинкель предложил и соответствующую таким правилам идею социального порядка, подчеркнув, что социальный порядок не продиктован исключительно нормами. Однако само определение «праксеологического правила» в этнометодологии — также результат «ситуативной, воплощенной и наглядно описуемой» практики. Как возможно такое определение?

Гарфинкель начинает с того, что «операционализирует» социологические описания (выраженные в переменных) тех или иных социальных феноменов до «стратегий действия» людей в конкретных ситуациях, «посредством которых (осознанно или нет) они достигают результата, представленного в значении изучаемой переменной» (Garfinkel, 1956: 191).

«Праксеологическое правило», применяемое в этнометодологическом проекте Гарфинкеля, гласит, «что любые свойства социальной системы, которые социолог мог бы выбрать для детального изучения, следует рассматривать как технические значения, которые достигаются действующими в системе с помощью своих способов игры» (Garfinkel, 1956: 191). Иначе говоря, «праксеологическое правило» указывает на то, что практики могут конституировать определенный социальный порядок, лишь соотносясь с другими практиками, осуществляемыми здесь и сейчас. Действия людей, участвующих в производстве локального социального порядка, соотносятся друг с другом и составляют тем самым конкретную ситуацию. Получается, что значение переменной (с помощью которой социолог описывает свойство социальной системы) достигается агрегированием результатов действия. Результаты действия достигаются с помощью стратегий действия. Свойства социальной системы (изучаемые социологами) следует рассматривать как техническую величину (агрегированные в показатели значения результатов действия), достигнутые действующими в системе.

В коллективной статье «The Relationship Between Ethnomethodology and Phenomenology» (Anderson, Hughes, Sharrock, 1985) авторы несколько раз прибегают к «праксеологическому правилу»; оно является методологическим следствием отказа от формально-аналитической концептуализации действия в пользу рассмотрения действия, допускающего изменение регулирующих правил в самом процессе взаимодействия. С одной стороны, «праксеологическое правило» используется авторами для демонстрации преемственности контекстуального понимания Гарфинкелем действия у А. Шюца — стабильные свойства порядка рассматриваются в качестве достигнутого результата. С другой стороны, это понятие связывает исследовательскую политику этнометодологии с методологией прагматизма.

Наша задача состоит не в том, чтобы предложить комментарий к вышеупомянутой статье, но в том, чтобы рассмотреть значение «праксеологического правила» для исследовательской политики этнометодологии, указать на связь этого правила и проблемы понимания конститутивного социального порядка, а также затронуть проблему феноменологической и прагматистской стратегий исследования, задей-

ствованных в использовании «праксеологического правила». Гарфинкеля нельзя назвать ни феноменологом, ни прагматистом в собственном смысле, однако, развивая свое видение этнометодологии, он находился в постоянном напряженном контакте с этими направлениями. Значение этого «диалога» состоит не только в уникальной исследовательской специфике этнометодологии, но и в особом способе реализации феноменологической и прагматистской стратегий, их взаимодополнения и развития, что может представлять интерес для исследования самих этих направлений.

Понимание проблемы социального порядка Гарфинкелем принципиально связано со стратегией его исследования, а потому, раскрывая специфику понимания социального порядка, мы очерчиваем его исследовательский подход, обозначая границы и предпосылки использования «праксеологического правила».

Становление проблемы социального порядка в интеллектуальной биографии Гарфинкеля связано со значением «праксеологического правила». Для раскрытия этой связи следует обратиться к анализу критики Гарфинкелем идей Т. Парсонса, А. Шюца и Э. Дюркгейма, обозначить отношение и способ работы Гарфинкеля с трудами феноменологов и прагматистов, чьи исследовательские принципы повлияли на использование «праксеологического правила» — в разрешении затруднения соотношения формального и неформального в производстве порядка.

Становление проблемы порядка: рациональность и действие

Идеи Т. Парсонса (особенно «Структура социального действия») оказали существенное влияние на становление Гарфинкеля в качестве самостоятельного исследователя. Кратко перечислим некоторые проблемы и положения теории Парсонса, эпистемологически и методологически переосмысленные Гарфинкелем.

«Структура социального действия», призванная объединить и развить социологические концепции А. Маршалла, Э. Дюркгейма, В. Парето и М. Вебера, в значительной мере утвердила использование аналитических категорий для исследования социальной реальности. Вместо изучения эмпирических объектов и событий Парсонс обращается к анализу категорий, структурирующих множественность и конкретность (Plenum) социального, которые и составляют его сущностные черты. Безусловно, следуя логике создания аналитических средств, основное исследовательское напряжение, связанное с проблемой достоверности, обнаруживается в самой процедуре построения аналитических конструктов. Конечно, готовые аналитические категории впоследствии должны быть применены к эмпирической реальности, но все же первичными (и в эмпирическом, и в логическом смысле) выступают классификационные *ad hoc* операции, направленные на обнаружение нормативной компоненты, определяющей социальный порядок.

Для Парсонса социальный порядок подразделяется на «фактический» и «нормативный». Нормативный порядок организован системой предписаний, совокупностью ценностей, норм, правил и ожиданий, которые благодаря обеспечению

предсказуемости социального взаимодействия обеспечивают повторяемость действий. Нормативный порядок наблюдаем в действии, доступен наблюдателю-ученому, оперирующему абстракциями «норма», «интернализация», «коммуникация», «институционализация» и т.п.

Фактический же порядок — основа нормативного, сам вид порядка, беспорядок в отсутствие норм может быть упорядочен научным (логическим) методом, «может быть установлен... в соответствии с логическими принципами, т.е. правилами научной процедуры» (Корбут, 2013: 15).

Фактический порядок не может существовать без нормативного, нормативность структурирует многообразие явлений, в своей совокупности составляющих неразличимые и взаимоопределяющие элементы социальной реальности. Парсонс развивает и одновременно преодолевает проблему обоснования упорядоченности социальной действительности, а значит, и возможности стабильности социальных отношений, необходимых для обособления социального порядка как автономной сферы (что получило в социальной эпистемологии название «Гоббсова проблема»).

Согласно Т. Гоббсу, человек, движимый различными страстями, стремится к различным объектам, позволяющим ему преумножить свое могущество. Желая объекты, человек сталкивается с регулярностями предшествующих и последующих событий, которые он «принимает в расчет» для более успешного удовлетворения своих желаний. Рациональность, согласно Гоббсу, заключается в надлежащем способе расчета посылок и следствий. Совокупный результат этого неумного стремления, руководимого эгоистическими принципами, оказывается не выгодным никому. Базовый принцип самосохранения, невозможный на этапе естественного состояния, становится причиной смены последнего, что подразумевает обособление новой сферы гражданского состояния. Впрочем, свойства людей не меняются. А. Филиппов, излагая идеи Ф. Тённиса, пишет: «[человеком] движет не “сущностная воля”, не ощущение безусловной принадлежности к некоторой общности, но воля избирательная, рассудочная, направленная на обретение некоторой корысти». И делает вывод: «Они [люди] таковы в естественном состоянии, такими же остаются и в гражданском» (Филиппов, 2009: 113). Но теперь суверен выступает фигурой, обеспечивающей новый (социальный) порядок через установления новых стремлений, а потому эгоизм и рациональность, свойственные человеку, реализуются в форме закона, а не в силе/насилии.

Парсонс развивает это, в сущности, прагматистское понимание рациональности, определяемой по отношению к действию. Для Парсонса действие является рациональным в той мере, в какой оно преследует цели, возможные в рамках условий ситуации, и в той мере, в какой используются средства, которые из числа доступных действующему лицу по своей сути наилучшим образом приспособлены к конкретной ситуации. Парсонс понимает личность не через сопоставление субъективного и объективного миров, но в качестве поведенческой системы, несводимой ни к организму, ни к культуре. С аналитической точки зрения система лично-

сти является автономной системой. Процесс социальных интеракций, внутренне связанный с характеристиками личностной системы, не сводится к последним, образуя самостоятельную систему, выступающую в качестве структурированного нормативного порядка, задающего критерии принадлежности к социальным формам жизни. Система интеракций и соответствующие ей санкции выступают основой социального порядка, необходимого социальным отношениям в силу их предрасположенности к дезорганизации (Парсонс, 2002).

Гарфинкель в своей докторской диссертации под названием «Восприятие Другого: исследование социального порядка» («The perception of the Other: a study in social order») (1952) прямо указывает на то, что Парсонс, решая проблему социального порядка, развивает Гоббсово понимание рациональности. Гарфинкель отмечает, что Гоббс некорректно изобразил систему состоящую из рационально-ориентированных акторов. Если все же использовать норму научной рациональности, «то в результате социальная система будет представлять собой не хаос, а бездействие, то есть систему некоммуникабельных монад» (Garfinkel, 1952: 43).

Решение проблемы социального порядка Парсонса основано на понятии социального действия, с необходимостью предполагающего унифицированную форму рациональности. Исследования «внутри» парадигмы нормативного социального порядка заключают в себе «аргумент от круга» (в эпистемологическом смысле), поскольку исследователь аналитически различает феномены, которые реифицируются в последующем эмпирическом исследовании. Парсонс проводит различие между «действующими» и людьми, фактически составляющими общество. Именно «действующий» оказывается в центре внимания Парсонса как «методологический прием, помогающий исследователю локализовать поле фактического наблюдения» (Гарфинкель, 2011: 150), где вменение вины и ответственности морально эквивалентно категориям причинности. В линии критики подобной подмены логическими категориями действительных характеристик условий действий людей позиция Гарфинкеля развивает, скорее, исследовательскую установку Шюца. Это прослеживается и в переписке Шюца, Парсонса, Гарфинкеля.

В письме от 17 марта 1941 года Шюц обращается к Парсонсу с предложением радикализации теории последнего — он указывает на то, что Парсонс игнорирует «принципиальную важность элемента времени во всех человеческих взаимодействиях», а также различие между «логическим значением уже совершенного акта и только спроектированного акта» (Шюц, Парсонс, 2021: 154). Для Шюца ключевым значением в вопросе взаимодействия обладает проблема ориентации акторов, категория действия, в которой осуществляется мотив «для-того-чтобы», отличный от мотива «потому-что», а потому помимо аналитического уровня концептуальной схемы необходимо обращение и к уровню конкретного.

А Гарфинкель в письме от 19 августа 1958 года к Парсонсу указывает на то, что конститутивная феноменология ситуаций Шюца выступила отправной точкой для «перечитывания различных социологических теоретиков в поисках их концепций и решений “проблемы социального порядка”» (Garfinkel, 2019: 343). Гар-

финкель в разных работах упоминал о постановке Парсонсом основополагающих вопросов для проблемы социального порядка, оказавших значительное влияние на развитие этнометодологии.

В работе «Социологическое видение: рутинные основания социального действия» (1948), выступившей в качестве пропедевтики будущего диссертационного исследования, Гарфинкель уделяет особенное внимание категории «действующего». Если для Парсонса апелляция к «действующему» является обращением к индивидуальному источнику причины, локализуемому в личности, то Гарфинкель отказывается от модели целостной мотивированной личности. Он предлагает взгляд на субъекта как на актора, использующего набор ситуативных компетенций в конкретных ситуативных действиях. Причинность в такой перспективе более не обладает вневременным характером, она оказывается включена во временной процесс конституирования практик. Несмотря на то, что причинность теперь обнаруживается в локальных ситуациях, подразумевающих конкретных людей и конкретные условия действия, все же индивиды не обладают каузальной силой¹ в том смысле, который требует наивный волонтаризм. Каков же результат этого теоретического перехода (или, скорее, осциллирования) между Парсонсом и Шюцем для собственно этнометодологической трактовки порядка?

Развивая идеи Парсонса и Шюца. Проблема порядка в ранних работах Гарфинкеля

В ранних работах Гарфинкель разрабатывает проблему социального порядка преимущественно на основании критики и расширения ряда проблем, поднятых Парсонсом. Для Гарфинкеля существенным в теории Парсонса оказывается апелляция к аподиктическим структурам условия действия. В свою очередь, структура действия может быть приравнена к структуре опыта, что не только открывает возможность феноменологического исследования аподиктических структур, но и смещает акцент с телеологической характеристики *действующего* на интерпретирующую способность *наблюдателя*, соответствуя переходу схемы «цель-средство» к схеме «субъект-ситуация». Гарфинкель отмечает, что эта схема «приближается к гуссерлианскому описанию структур опыта» (Garfinkel, 2006: 139), поскольку действия субъекта, понимаемые в качестве ориентации в ситуации, могут быть приравнены к понятию ноэзиса, а само понятие «ситуации действия» к ноэме в качестве материи действия или предполагаемого объекта. При таком взгляде на отношение «субъект-ситуация» правомерным будет подчеркнуть интенциональность действий, а также трансцендентальность аподиктических структур действий, указывающую на идеалистическую концепцию первичных категорий и, как следствие, — на онтологические элементы теории. Конкретный

1. Как утверждает Гарфинкель, для его целей индивида следует рассматривать как «манекена, болвана, безжизненную марионетку, обладающую всеми возможностями деятельности, которыми мы его наделим» (Garfinkel, 2006: 107).

объект в таком подходе оборачивается абстракцией высокого порядка, а ощущение — условием, а не содержанием восприятия. Теория действия Парсонса состоит из набора процедур идеализации, принимаемых как непреложный факт. Для Гарфинкеля, напротив, первостепенным является уровень конкретного. В таком случае абстракции и процедуры категоризации оказываются производными от ситуативных практик, а потому результаты идеализации могут быть объяснены исходя из последних, а не наоборот.

Шюц обращает особое внимание на различие между повседневной и теоретической установками посредством апелляции к понятию когнитивного стиля как формы вовлеченности в представленную область опыта. В повседневной установке «мир в пределах нашей досягаемости» зависит от нашего тела, понимаемого как центр *o* системы координат, в которой мы организуем мир» (Шюц, 2004: 442). Стремление к осуществлению собственных проектов реализуется благодаря типизации на основе культурного образца группы в качестве рецепта действия. Производя работу, человек руководствуется ее «полезностью» для решения его практических проблем. Теоретическая установка, напротив, вместо процесса овладения предполагает беспристрастность наблюдения, а предвосхищение направлено не на пользу, а на успешность последующей проверки. Теоретической установке недоступна «биографическая ситуация», а вместе с тем недоступны и конструкты обыденного мышления собственного «здесь» внутри социального мира.

Сосредотачиваясь на типизациях проективной деятельности, Шюц упускает детали взаимодействия, на что обращает внимание Гарфинкель. Последний перемещает фокус исследования на детали действий, а не на понятия. Иначе говоря, человек в своей повседневной практической деятельности не осуществляет ее в проективной форме, но ориентируется на детали конституируемого порядка. В более радикальной эмпирической перспективе Гарфинкеля «проект действия» Шюца как то, что для актора разумеется само собой, оказывается тем, что выходит за рамки поля условий практически-ориентированных действий. Радикализируя одно из ключевых феноменологических стремлений — внимание к деталям индивидуального сознания и восприятия — Гарфинкель развивает концептуальную аргументацию Шюца эмпирическими примерами, что приводит к выделению новых тем, в частности, к понятиям способа осознания (*mode of consciousness*) и коммуникации (*communication*). Развивая новые исследовательские перспективы, тематический фокус Гарфинкеля оказывается иным, нежели у Шюца. Обратимся к одному из таких примеров.

Гарфинкель пишет об охраннике в библиотеке Уайденера (Garfinkel, 2006: 110–114). С восьми утра до пяти вечера его основная задача — предотвращение кражи книг. Он стоит спиной к входящим, однако крайне пристально рассматривает всех выходящих посетителей библиотеки, особенно если они что-то несут в руках. Некоторых останавливает, выкладывая книги на стол перед собой, чтобы затем рассмотреть что-то во внутренней стороне задней обложки; некоторых задерживает для какого-то разговора. Из содержания его разговоров можно предпо-

ложить, что у него нет семьи или политических убеждений, его не заботит ни его собственная, ни личная жизнь других людей. Если спросить у него о том, зачем люди крадут книги, то он ответит: «Кто знает? Но рано или поздно их поймают». Охранник не знает о содержании книг или мотивах их краж, однако в подробностях может рассказать о количестве книг, которые он проверяет за день, об их размерах, цвете, их среднем количестве на человека.

Идентичность охранника в библиотеке Уайденера неразрывна с его «нормами». Однако «нормы», которые интересуют Гарфинкеля, не обладают трансцендентной природой, они не содержатся в особенностях культуры или социальной структуры. Ситуативные нормы являются скорее характерными чертами локального производства ситуативной идентичности. В «мире» охранника онтологически неизбежным является то, что люди воруют книги, однако вопрос о мотивах воровства приводит его в ступор, поскольку в производстве практик «охранника в библиотеке Уайденера» нет необходимости в рефлексии над мотивами людей. Успешная реализация практической задачи (не дать вынести книги без их оформления на посетителя) подразумевает ряд только ситуативных норм, т.е. норм, которые непосредственно вовлечены в производство локальной практики. И нормы, и идентичность являются ситуативными, поскольку входят в поле ориентации акторов, а потому являются частью производства порядка, в отличие от трансцендентных норм, являющихся инструментом исследования порядка в формально-аналитической социологии.

Способ осознания или способ отношения к жизни охранника заключается в его погруженности в осуществление собственной практики. Конечно, несмотря на описание Гарфинкеля, у этого человека, который сейчас организует практику «предотвращения кражи книг», вероятно, есть какая-то личная жизнь, семья и политические убеждения, но сейчас он — охранник в библиотеке Уайденера, для которого само собой разумеется то, что люди иногда пытаются своровать книги. Он воспринимает свои действия с позиции ситуативной идентичности и руководствуется ситуативными нормами. Нацеленный на достижение практических задач, его способ осознания направлен на конкретные детали производства порядка — на выходящих посетителей библиотеки, на содержимое в их руках и пр. Действительно, погруженность охранника в «мир охранника», а также внезапный и глупый вопрос о мотивах кражи, заставляющий переживать неудобство или даже «шок», ведь его вообще не имело смысла задавать, поскольку главное, что все похитители книг рано или поздно будут пойманы, заимствовано из феноменологической социологии Шюца. Но все же для Гарфинкеля наиболее важно другое.

Для Шюца проблема порядка является когнитивной, а для Гарфинкеля — коммуникативной. Актор (в нашем случае охранник) воздействует на множество знаков посредством рабочих актов, выступающих экспериментами в миниатюре. Удерживая в своем восприятии не только то, что происходит здесь и сейчас, но также ориентируясь на то, что этому предшествовало, а также на то, что этому последует, участник коммуникации осуществляет рабочие акты исходя из фоно-

вых ожиданий (background expectations), которые, сталкиваясь с рабочими актами других участников коммуникации, изменяются в той степени, в какой требуется для успешной реализации практических задач. Достижение подобной согласованности практик заключается в согласованном производстве взаимно ориентированных действий, соответствующих ситуации. Охранник не «играет» в охранника, но является им, поскольку конституирует порядок через составляющие его практики, когда некоторые «вещи» являются объектами практической ориентации (у выходящего посетителя в рюкзаке много вещей), некоторые «вещи» понимаются сами собой, составляя ситуативные нормы (иногда люди воруют книги), другие же остаются за пределами мира охранника, как, например, мотивы воровства книг. Если само-понятным является то, что люди воруют книги, то можно ли, не выходя из состояния этой само-понятности, задать вопрос о мотивах этого воровства? «Воспринимаемая нормальность» оказывается тем, что обеспечивает согласованность рабочих актов, конституирующих стабильный социальный порядок в ранних представлениях Гарфинкеля.

«Праксеологическое правило» напрямую связано со спецификой понимания социального порядка. С одной стороны, это правило обнаруживается в самом рутинном производстве порядков. Исходя из эмпирических наблюдений социальных ситуаций, Гарфинкель обнаруживает, что в процессе производства рабочих актов участники коммуникации, вовлеченные в конкретную коммуникативную ситуацию, ориентируются на правила коммуникации, ограниченные не абстрактно-теоретическими принципами, а конкретными практическими задачами, для достижения которых требуется ориентация на практические достижения других участников коммуникации. Во-вторых, «праксеологическое правило» является правилом «социологической установки» исследователя, избегающего «теоретической установки» — апелляции к абстрактным принципам для построения теории порядка; порядок для «социологически» ориентированного исследователя составляет поле практических ориентаций и практических достижений самих участников производства порядка. Таким образом, можно говорить о двух модусах проблемы «праксеологического правила» — онтологическом (порядок *есть* то, что его составляет и ничего сверх того) и эпистемологическом (порядок *следует изучать* в границах того, что его составляет и ничего сверх того).

Порядок, актуально производимый в ходе практических достижений коммуникативных актов, ограничен ситуационистской коммуникативной практикой, а потому теоретическая установка, например, используемая Парсонсом, не приближает, а, наоборот, отдаляет нас от понимания производимого людьми порядка. Ситуационизм социологической установки тотализирует контекстуальную зависимость значения рабочих актов, что находит свое отражение в понятии индексичности (indexicality). Индексичность существует на основе обыденного типа рациональности, присущего описаниям не только обывателей, но и профессионалов. Н. Депра отмечает, что Гарфинкель продвигает «тип рациональности повседневной социальной деятельности, напрямую связанный с его социальным использо-

ванием» (Depraz, 1993: 117). Социологическая установка, руководимая «праксеологическим правилом» Гарфинкеля встает в оппозицию не только к теории Парсонса как «теории соответствия» (апеллирующей к аподиктическим структурам условия действия, а также к их дедуктивной выводимости), но и к феноменологической социологии Шюца, теоретизирующей «точку зрения актора» на основании идеи проспективности.

«Развивая афоризм Дюркгейма». Проблема порядка в поздних работах Гарфинкеля

В 1970-е годы происходит методологическая и концептуальная трансформация в понимании социального порядка Гарфинкелем. Он усиливает акцент на ситуативных практиках, рассматривая конституируемый через них порядок в форме феноменальных деталей, выступающих конститутивными чертами ситуации, на которую ориентируются ее «члены». Сама ситуация, в отличие от раннего понимания, больше не является условием, предполагающим интерпретативную деятельность субъекта на основе разделяемой им нормальности, из нерелективного представления о которой актор производит узнаваемые другими участниками коммуникации практики. Теперь первостепенное значение отдается самим практикам, а проблемы интерпретации и нормальности перестают иметь собственное концептуальное значение. Социальный порядок в таком случае — более не исследовательская тема, требующая выявления посредством обнаружения элементов само собой разумеющейся нормальности, но каждый раз уникальный порядок², локально производимый конкретными практиками участников ситуации. Подобная смена эпистемологического (исследовательского) акцента не исключает проблематику ранних работ Гарфинкеля, но является их закономерным развитием в русле изначальной интуиции о наличии порядка в самом конкретном и многообразном обществе. Стремясь прояснить модифицированное видение проблемы порядка в этнометодологии, Гарфинкель пишет программную работу под названием «Ethnomethodology's Program. Working out Durkheim Aphorism» (2002). В попытке дать ответ на вопрос о том, что такое этнометодология, он выбирает одну из интерпретаций эпистемологии Дюркгейма, уделяя особенное внимание дюркгеймианской метафоре «бессмертного обыденного общества».

Зачастую эпистемологическую концепцию Дюркгейма прочитывают в культурной, функционалистской или позитивистской интерпретации, не проводя разграничения между его социологией знания и самим эпистемологическим аргументом. Индивидуалистический подход к эпистемологии, рассматривающий

2. В поздних работах Гарфинкель активно пользуется астериском в качестве условного обозначения. По его словам, астериск используется в качестве цели, задания, метода или вывода в соответствии с политикой и методами этнометодологии, в качестве радикального корректирующего средства. Мы используем астериск для того, чтобы, упоминая какой-либо порядок, указать читателю, что под этим порядком подразумевается не то, что принято представлять, исходя из читательского опыта, а конкретный и локальный порядок, отсылающий нас к определенным практикам.

начало знания в индивидуальном опыте, сталкивается с проблемой недостоверности любых попыток обобщения, поскольку вниманию подлежит то, что не было свойством изначальных индивидуальных переживаний. Эпистемологический аргумент Дюркгейма предполагает ориентацию на исследование конкретного эмпирического феномена, образованного в совместных практиках. Социология знания Дюркгейма оказывается вторичной относительно эпистемологического аргумента, поскольку изучает «связи между понятиями внутри космологий уже после появления категорий» (Роулз, 2014: 93)

В предисловии к первому изданию «Правил социологического метода» (1895) Дюркгейм пишет, что социальные факты (*faits sociaux*), выступающие в качестве главного интереса социологической науки, должны быть предметом обособленного рассмотрения. Нельзя объяснять нечто более сложное посредством более простого, а потому нельзя объяснять социальные факты посредством апелляции к психологическим фактам.

В предисловии ко второму изданию «Правил социологического метода» (1901) Дюркгейм, отвечая на многочисленную критику своего подхода, пишет: «Объект — это всякий предмет познания, который сам по себе непостижим и не прощаем для мысли. Это все, что мы не в состоянии вообразить себе посредством простого приема мыслительного анализа <...> Трактовать факты определенного порядка как объекты отнюдь не значит помещать их в ту или иную категорию реальности; это значит составлять по отношению к ним определенное умственное отношение» (Дюркгейм, 2021: 11). Таким образом, Дюркгейм подчеркивает то, что идея объективности социального факта заключается в том, что он не принадлежит никакому индивидуальному сознанию, а потому познающее индивидуальное сознание не может охватить его целиком. В предисловии ко второму изданию Дюркгейм использует понятие феномена (*phénomène*), что может говорить о возможной эволюции взглядов Дюркгейма между первым и вторым изданием «Правил социологического метода», начале разработки его эпистемологического аргумента.

Гарфинкель, обнаруживая возможность двух интерпретаций идей Дюркгейма: интерпретацию социологии Дюркгейма как социологии социальных фактов и социологии как социологии социальных феноменов, совершает выбор в пользу последней, а потому для Гарфинкеля, вероятно, наиболее важным оказывается работа «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), где эпистемологический аргумент представлен в развернутой форме анализа тотемических ритуалов. В этом исследовании анализируются религиозные практики австралийских аборигенов, в совместном исполнении которых обнаруживается эмпирический источник категорий. Как пишет Энн Роулз: «Дюркгеймианский социоэмпиризм фокусируется на динамической связи между членами группы, как участниками ритуальных социальных процессов, и теми социальными процессами, которые реализуются благодаря их участию» (Роулз, 2014: 87). Исполняя религиозный ритуал, аборигены здесь и сейчас создают определенную локальную среду производства вещей бессмертного обыденного общества. Эти «вещи» не являются

результатом практик, они и есть сами практики упорядочивания. Их результатом выступают коллективно разделяемые категории мышления, которые оказываются вторичными и производными от практик. Как отмечает Гарфинкель, этнометодология подхватывает почти забытую идею Дюркгейма о том, что объективная реальность социальных феноменов является приемом для описания «любого вопроса логики, смысла, разума, рационального действия, метода, истины и порядка в интеллектуальной истории, который определялся в каждом конкретном случае как постижимо эмпирический феномен бессмертного обыденного общества» (Гарфинкель, 2012: 148). Этот конкретный эмпирический феномен опознается и производится когортой населения. «Эндогенная популяционная когорта» не отсылает нас к определенному набору социально-демографических характеристик, но сама приобретает свои характерные черты посредством осуществления определенных практик. Проще говоря, человек, стоящий в очереди, является «стоящим в очереди» в силу того, что он осуществляет работу*, ориентируясь на работу* других и демонстрируя свою работу* для других членов популяционной когорты. Например, встает за последним в очереди так, чтобы его можно было легко отделить от людей вокруг, стоящих вне очереди; держит дистанцию по отношению к предшествующему, чтобы не оказаться от него слишком близко или слишком далеко, и пр. Гарфинкель использует метафору бессмертного обыденного общества, чтобы говорить о членах когорты, производящих работу внутри организованных вещей, которые повторяются, наполняются, производятся и наблюдаются.

Гарфинкель требует не дифференцировать проблему реальности и ее описания, утверждая, что феномены познаются посредством раскрытия деталей их содержания. Он требует отказаться от объективирующей абстракции в пользу познания «вглубь» (в строгую и предельно обширную дескрипцию деталей). Если категории мышления производны от практик, то исследованию должны подлежать сами практики, не подмененные категориальным мышлением социолога. Исследователь сам становится участником этих практик, придерживаясь принципов «этнометодологического безразличия» (ethnomethodological indifference) и «уникальной адекватности методов» (unique adequacy requirement of methods). Он оказывается в ситуации «двойной бухгалтерии»³, в силу необходимости совмещения двух ролей: обычного члена общества, воспроизводящего порядок феноменализации посредством практических достижений, а также ученого, всматривающегося и обнаруживающего детали практик. Поскольку этнометодолог не претендует на внеконтекстуальное познание, его мышление также оказывается производным от практик, оно *встроено* в процесс практик. В силу того, что объективирующее мышление не конгруэнтно изучаемым практикам, первичным по от-

3. Термин «двойная бухгалтерия» упоминает Г. Чернавин в работе «Непонятность само собой разумеющегося», ссылаясь на понятие «doppelte Buchführung», использованное Гуссерлем в рукописи 1926 года. Мы, вслед за Чернавиным, используем это понятие для того, чтобы подчеркнуть двойственность положения исследователя (в нашем случае этнометодолога), погруженного в само собой разумеющийся мир практик и одновременно сохраняющего рефлексивную дистанцию.

ношению к мышлению, этнометодологическое исследование реализуется посредством рефлексивного стремления к пониманию понимания, обнаруживая начало понимания в практиках. «Двойная бухгалтерия» в таком случае способна указать на стремление к сохранению рефлексивной дистанции по отношению к исследуемому порядку по мере приближения к деталям составляющих его практик, когда само этнометодологическое исследование предполагает отказ от позиции внешнего наблюдателя в пользу практической вовлеченности в производство порядка.

Можно сказать, что вместе с радикализацией понимания социального порядка радикализуется и понимание «праксеологического правила» как в онтологическом, так и в эпистемологическом модусах. Порядок, конституируемый «бессмертным обыденным обществом», перестает рассматриваться в свете когнитивистско-интерпретивистских коннотаций. Воспринимаемая нормальность как основное условие конституирования ситуативных порядков уступает место совместно осуществляемым рутинным практикам. Поскольку именно совместные практики являются причиной того, что в ранних работах Гарфинкель называет воспринимаемой нормальностью, апелляция к проблеме коммуникативности оказывается излишней. «Праксеологическое правило» теперь говорит не о том, что следует исследовать интерпретативную ориентацию акторов в совместном конституировании порядка, ограничиваясь социологической установкой, но о том, что необходимо следовать уже автохтонному порядку, поскольку в самих практиках уже содержится необходимая и достаточная упорядоченность. Нам становятся доступны порядки, не требующие никакой специальной теории или методологии, поскольку они имеют «свои характерные свойства и тем самым образуют самостоятельную область изучения» (Гарфинкель, Сакс, 2003: 105).

Таким образом, можно видеть, что представление о порядке у Гарфинкеля эволюционировало со временем. В ранних работах Гарфинкеля можно проследить значительное влияние идей Шюца. Социальный порядок обнаруживается в обыденных и само собой разумеющихся способах его производства. Достижение стабильности социального порядка заключается во взаимной ориентации участников взаимодействия на детали действия с позиции само собой разумеющейся нормальности. Результатом преодоления когнитивистских элементов (основанных на шюцевских «когнитивных стилях») в ранних работах Гарфинкеля стало раскрытие интуиции о конститутивном понимании порядка; за этим последовало и скорректированное понимание социального порядка на позднем этапе⁴ интеллектуального творчества Гарфинкеля. Теперь идея конститутивного порядка (выстраиваемого в непосредственном взаимодействии из взаимной ориентации участников взаимодействия на общие детали их действий и особенности окружения, когда они ориентируются не на нормы, а на наблюдаемые и опознаваемые как «нормальные» особенности поведения друг друга), а вместе с тем и «праксеологическое правило» подвергаются эмпирической радикализации.

4. Граница между «ранним» и «поздним» (зрелым) этапами пролегает в начале-середине 1970-х годов. См., например: Корбут, 2014.

«Поздняя» этнометодология изучает уже локальные формы порядка, эпистемологический статус понятий девальвирован по отношению к конкретным деталям практик. Сами практики непосредственно конституируют порядок, а потому любое исследование этого порядка должно быть ориентировано на локальные детали порядка, которые существуют только в ситуативном ходе действий, а потому обращение к тому, что предшествует ситуативному ходу действий, оказывается не верным.

«Рабочее» отношение Г. Гарфинкеля к работам феноменологов и прагматистов

Как уже было сказано выше, на раннем этапе своего творчества Гарфинкель связывает проблему социального порядка с проблемой «воспринимаемой нормальности». На этом этапе он оперирует такими терминами, как «актор», «социальная идентичность», «рабочий акт», «коммуникация», «правила», «группа» и др. Нельзя сказать, что он всеобъемлюще прорабатывает феноменологические или прагматистские проблемы и идеи. Он с самого начала своей интеллектуальной работы выстраивает к ним «рабочее отношение», подразумевающее особенное внимание к аспектам, связанным с интересами исследователя и недостаточное внимание или полное игнорирование аспектов, не связанных с интересом исследователя. Вероятно, основным исследовательским интересом Гарфинкеля выступали конкретные феномены социальной жизни. Он призывал читать теоретические работы намеренно неправильно, не так, как их *следует* читать. Это неправильное прочтение позволяло вычитывать в абстракциях и теориях исследовательские сюжеты, применимые к изучению конкретных феноменов. Приведем характерную цитату Гарфинкеля, демонстрирующую подобное отношение, применительно к феноменологии: «Я считаю, что труды феноменологов должны быть доступны в качестве технической подготовки к работе социологов во всех ее определяющих и локальных деталях» (Garfinkel, 1977: 14). В ранних работах Гарфинкель еще только начинает расчерчивать поле этнометодологических интересов, концентрируясь на критике теоретического познания и индивидуалистического подхода к эпистемологии.

Гарфинкель критикует идею У. Джеймса о том, что индивидуальное восприятие и рефлексия определяют порядок взаимодействия. Он вслед за Дюркгеймом считает, что решение проблемы взаимодействия может быть найдено только посредством обращения к свойствам самих социальных практик. По его мнению, подлинный радикальный эмпиризм должен исходить из того, что реальность вещей определяется ее отношением не к индивидуальному восприятию, а к совместным коммуникативным практикам, наполняемым этими вещами. И даже если Шюц, по мнению Гарфинкеля, идет дальше Джеймса, то все же интересубъективность в рамках феноменологической социологии остается вторичной по отношению к сознанию. Конечно, понятие *Другого* у Шюца является непреложным слоем со-

циальности, который «всегда уже присутствует в индивидуальной субъективности, даже если фактическое *alter ego* отсутствует» (Баньковская, 2023: 131), однако вопрос интерсубъективности не в том, *что* это, но в факте постоянного достижения *этого*.

Представление о «личности» у Ч. Пирса не остается незамеченным Гарфинкелем. Идею личности (personality) Пирс связывает с представлением о континуальности сознания. «Личность не есть абсолютный индивид. Его мысли — то, что он “говорит самому себе” — обращаются к тому другому Я, которое рождается в потоке времени» (Peirce, 1935: 281). Он предлагает понимать личность в качестве динамического и диалогичного потока интерпретаций; она проявляется через привычки мышления в знаковой коммуникации. Как пишет Роулз, Гарфинкель, критикуя Пирса, «развивает различие между идентичностью как объектом, в котором акцент реальности падает на идентичность, как это наивно происходит с другими объектами в восприятии, и идентичность как то, что Гарфинкель называет “символическим объектом”, который включает в себя сложные аспекты социального упорядочивания» (Rawls, 2008: 55). Иначе говоря, для Гарфинкеля, в отличие от Пирса, именно практики наделяют объекты (в т.ч. ситуативную идентичность) акцентом реальности. Другой прагматист, Дж. Дьюи, заменяет идею мотивации на практический интерес или привычку. Но несмотря на то что Дьюи также видел первостепенное значение в самом действии (сохраняя идею рефлексивного осмысления опыта, способного изменить привычки), Гарфинкель занимает более радикальную позицию, рассматривая привычку в качестве мотивационной рационализации *post factum*. Как пишет сам Дьюи, рефлексивное мышление это «активное, настойчивое и тщательное рассмотрение любого убеждения или предполагаемой формы знания в свете оснований, которые ее поддерживают, и дальнейших выводов, к которым она приводит» (Dewey, 1910: 6). Для Гарфинкеля значительным является то, что в случае прерывания рутинного производства порядка люди не ищут мотивы странного поведения, не осмысливают опыт прерывания порядка в виде выработки новой привычки, но стремятся восстановить нормальность ситуации, вернуться к производимым формам порядка.

В ранних работах Гарфинкель подчеркивает именно методологическое значение феноменологической мысли для развивающегося этнометодологического проекта. Можно сказать, что он отвергает онтологическое видение феноменологии. Все же Гарфинкель пользуется отдельными феноменологическими идеями (пусть и в отрыве от их контекста). Например, стремясь объяснить непрерывность организации опыта, обращается к ноэтико-ноэматической структуре, дополняя ее идеей «конститутивной феноменологии» А. Гурвича (Garfinkel, 2006: 132-145).

В поздних работах Гарфинкеля можно обнаружить новое сближение с феноменологической мыслью. Идея локальности каждого проживаемого случая находит наиболее острое выражение в понятии «феноменального поля», заимствованного Гарфинкелем из работ М. Мерло-Понти. Рассуждая о проблеме феноменального поля, Мерло-Понти пишет: «Признав своеобразие феноменов в отношении к объ-

ективному миру, убедившись, что через них мы и познаем объективный мир, она [рефлексия] вынуждает присовокуплять их к любому возможному объекту и пытается понять, как же он через них конституируется» (Мерло-Понти, 1999: 93). Таким образом, «феноменальное поле» не только конституирует конкретное восприятие, но и само конституировано им, а потому это понятие характеризует ситуационистское понимание мышления. В этнометодологии мышление оказывается одной из форм опыта или практики, а потому «феноменальное поле — это то, что акторы производят и анализируют изнутри разворачивающейся деятельности» (Рейнюк, Широков, 2017: 236). Содержанием феноменального поля оказывается все то, что локально и конкретно влияет на конфигурацию актуального упорядочивания. Благодаря феноменологическому развитию идеи гештальтов Гурвича Гарфинкель принимает идею гештальт-когерентности в качестве объектно-ориентированных свойств феноменального поля. Иначе говоря, свойства конкретных деталей феноменального поля определяются относительно феноменального поля, в свою очередь совместно конституированного в процессе осуществления практик, исходя из ориентации на детали феноменального поля. Как отмечает Г. Феле, для Гурвича «важным аспектом теории гештальта является то, что порядок является автохтонной чертой опыта» (Fele, 2008: 303). Порядок феноменального поля Гарфинкеля вслед за порядком Гурвича является автохтонным, то есть самодостаточным и самовоспроизводящимся.

Гарфинкель уделяет особое внимание «Кризису европейских наук» Гуссерля и Геттингенским лекциям, развивая идею «жизненного мира» (Lebenswelt) в этнометодологии. После выхода работы Э. Ливингстона «The ethnomethodological foundations of mathematics» (1986) Гарфинкель разрабатывает проблему Lebenswelt-пары (Lebenswelt Pair) инструктированно наблюдаемых действий. Через эту идею он осмысляет проблему соотношения правил и практик, рассматривая эту тему в качестве альтернативы отвергнутой объективной реальности социальных феноменов Дюркгейма (Garfinkel, 2007: 11). Апелляция к теме «пары жизненного мира» позволяет объяснить раскрытие формальной структуры деятельности, разграничивающей детали практики в ходе осуществления самой практики, не подразумевающей понимание и эксплицитную демонстрацию формальных структур. Как пишет Д. Белич, этнометодология стремится заместить «онтологическую двойственность философских размышлений Гуссерля разъяснением практической двойственностью научных практик» (Bjelic, 1996: 410).

«Праксеологическое правило» как способ разрешения проблемы соотношения формального и неформального в производстве практик

Несмотря на различные методологические и эпистемологические акценты понимания социального порядка в ранних и поздних трудах Гарфинкеля, по мере творческого развития центральная проблема конститутивности не только сохраняется, но и получает более пристальное внимание и более детальную проработку.

Основная интуиция, лежащая в основе представления о конститутивном социальном порядке, заключается в том, что практики прямо конституируют «вещи» бессмертного обыденного общества, а потому задача исследователя, принявшего данный подход, «состоит не в обнаружении, принципа их упорядочивания, а в описании способов или методов их конституирования» (Корбут, 2014: 75-76). Приняв в расчет это положение, можно понять, что использование праксеологического правила Гарфинкелем продиктовано тем, что оно вовлечено в осуществление практической деятельности конституирования порядка. Анализируя свойства феноменального поля, можно обнаружить, что его элементы не ограничиваются видимыми пространственно-временными деталями. Ориентация в феноменальном поле с необходимостью подразумевает включенность в практики, составляющие детали феноменального поля. Чтобы стать частью «эндогенной группы», необходимо оказаться участником «локально производящей группы». Эти понятия являются синонимами, а потому справедливо и обратное. Попытки вычленения первичного элемента *Lebenswelt*-пары обречены на неудачу, поскольку они взаимно конституируют друг друга в ходе осуществления практики. Как пишут М. Линч и К. Эйсман: «Понимание того, что включает в себя такое праксеологическое переосмысление, может пролить свет на то, чем этнометодология отличается от феноменологии» (Lynch, Eisenmann, 2022: 107). Особое прочтение феноменологических трудов Гарфинкелем продиктовано праксеологической направленностью интересов этнометодологов, занятых исследованием становления (непрерывного процесса конституирования) порядка в ходе осуществления практик.

Приведем пример этнометодологического исследования, демонстрирующего праксеологическое достижение вкусовой объективности. Для этого обратимся к главе «Феноменология дегустации кофе» в книге К. Либермана «Больше исследований по этнометодологии», написанной не без участия самого Гарфинкеля, можно сказать, «в уникальном соавторстве» (Баньковская, 2014: 171).

Основным интересом исследования Либермана стал процесс, в ходе которого профессиональные дегустаторы выявляют вкусовые палитры одного из самых популярных напитков в мире. Он пишет: «Дегустаторы в значительной степени полагаются на вкусовые характеристики, и природа этого доверия является предметом данного исследования» (Liberman, 2013: 215). По мере того как профессиональные дегустаторы пробуют кофе, они предлагают некоторые *дескрипторы*, позволяющие «распознать» вкусовые оттенки. Дескрипторы, используемые ими, обладают крайне низкой степенью определенности. Какое действительное значение «резинового» (*rubbery*) или «пепельного» (*ash*) вкуса кофе? Тем не менее эти вкусовые оценки разрабатываются в ходе сотрудничества дегустаторов. Услышав описания вкуса, мы можем «обнаружить» в своей чашке не только его, но и открыть целую область вкусов, где описанный вкус уже будет «дополняться» вкусовыми оттенками. «Обнаружение» такой области закрывает возможность обнаружения другой. Важным представляется также и то, что при описании вкуса кофе в игру вступает множество [курсив. — Н. С.] дескрипторов, «семиотические связи между которы-

ми в определенной степени делают их саморазвивающимися» (Lieberman, 2013: 217). Приведем небольшой диалог профессиональных дегустаторов кофе, в ходе рутинной работы которых вкусовое восприятие непрерывно претерпевает изменение.

«А: Лиственный. Очень горький, очень терпкий.

В: Я нахожу его очень сухим и терпким в послевкусии. Травянистая горечь с сильным послевкусием.

С: Из-за привкуса зелени и травы, по-моему, он действительно не дотягивает до 80.

Д: Меловой-меловой.

Е: Дымчатый.

Д: Да, как пепел из пепельницы.

Г: Эта пепельность — очень сухой табак.

Д: Но я не вижу ничего, что бы говорило о дефекте; по-моему, он просто не очень» (Lieberman, 2013: 219).

Мы можем наблюдать, как в процессе обсуждения вкуса кофе профессиональными дегустаторами его восприятие претерпевает постепенные изменения. Если предложить случайному прохожему чашечку этого кофе, то он вряд ли сможет почувствовать в этой чашке те же вкусы. Даже вкус, как продемонстрировано в примере Либермана, оказывается практическим достижением в этнометодологии.

Трудность этнометодологического исследования заключается в том, что этнометодолог стремится изучить конкретный феномен, конституированный в практиках. С одной стороны, каждый из участников практик вносит определенный вклад в производство этого феномена (в «конфигурацию феноменального поля»), ориентируясь на детали упорядочивания ситуации другими участниками. С другой стороны, конкретный феномен конститутивного порядка не сводится к сумме, определенным образом произведенной практиками всех участников, не только потому, что означающее всегда больше означаемого, но и в силу того, что значение практик отдельных участников определяется по отношению к совокупности всех практик, конституирующих детали феноменального поля.

На примере «дегустации кофе» мы вновь видим трудность соотношения формальных процедур описаний, процедур производства феноменов и непосредственных практик конституирования порядков *in vivo*. Производство практической объективности «пепельности» вкуса кофе рождается в ходе практик совместной дегустации, однако участие в совместной дегустации, в свою очередь, предполагает определенную степень владения формальными описаниями.

Стратегия решения этой проблемы Гарфинкелем схожа со стратегией Л. Витгенштейна. Д. Блур выделяет некоторые черты подхода позднего Витгенштейна, которые также применимы и к исследовательской политике Гарфинкеля. Перечислим эти черты.

Во-первых, когда мы следуем правилам, мы следуем им слепо, а не выбираем. В этом смысле настоящее является итогом прошлого, а не началом будущего (Mannheim, Kecskemeti, 1953: 111). Во-вторых, исследовательская стратегия Вит-

генштейна предполагает ориентацию на *конкретное и качественное*, на то, что принципиально не может быть рационализировано (подведено под одно основание). В-третьих, Витгенштейн ориентируется на индуктивный, а не дедуктивный способ познания. Практики, в ходе реализации которых их участники обретают новые знания, не переносят идеи из одного сознания в другое, а демонстрируют конкретные примеры, которые «воплощают» в себе идеи и принципы. В-четвертых, «единицей анализа» в философии Витгенштейна является то, что он метафорически обозначает «языковой игрой», что явно указывает на холистские тенденции его мысли (Блур, 2002: 7-11).

Слепое следование правилам индивидами, ориентация на конкретное и качественное, индуктивный способ познания и холистические тенденции исследовательской мысли — характеристики, применимые и к взглядам Гарфинкеля. Между Витгенштейном и Гарфинкелем обнаруживается нечто общее; как пишет Энн Роулз, уже Витгенштейн начал критиковать рассмотрение социального порядка как соответствия между значениями и правилами (реальностью), поскольку оно вводило в заблуждение (Rawls, 2008). Акцент на несоответствии реальных практик и правил, формального и неформального в производстве порядков не исключает возможность познания, благодаря прагматистской направленности «праксеологического правила». Дьюи упоминает *прагматистское правило*, способствующее возможности постановки всеобщей цели или закона в зависимости от конкретной ситуации (Дьюи, 2003: 106). «Праксеологическое правило» ориентирует внимание исследователя к «этойности» (haecceity) локального производства порядка, который, впрочем, не оказывается случайным, поскольку само локальное производство «этойности» является конституированным определенным способом и порядком. М. Полнер предполагает, что основа проекта поздних работ Гарфинкеля «находится в “этойности” непосредственных обстоятельств в том виде, в каком они известны, принимаются, переживаются и естественным образом объясняются опытным практиком» (Pollner, 2012: 18). Попытка теоретического осмысления не позволяет непротиворечиво понять проблему соотношения формального и неформального в практике (один из качественно различных элементов должен быть логически первичнее другого), однако, обратившись к «праксеологическому правилу», мы занимаем неабстрактную нетеоретическую позицию.

Во время дегустации кофе дескрипторы (вкусы, обнаруживаемые в чашке кофе) и практики производства практической объективности (дескрипторов) взаимно конституируют друг друга в процессе осуществления практики как элементы *lebenswelt*-пары. «Праксеологическое правило» ставит Гарфинкеля в положение наблюдателя мира как постоянного достижения людей, ведущих свою повседневную жизнь. Закончить нашу мысль мы бы хотели цитатой К. Рассела, усматривающего большую задачу эпистемологического взгляда этнометодологии в том, чтобы «быть общеизвестным (routinely known), учитываемым (accounted for) и применяться мгновенно, без задержки, здесь и сейчас» (Kelly, 2002: 584).

Заключение

Итак, «праксеологическое» правило связано с проблемой социального порядка. С одной стороны, это правило обнаруживается в самом производстве рутинных практик. С другой стороны, это правило является эпистемологическим принципом исследовательской программы этнометодологии. «Праксеологическое правило» предполагает отказ от теоретического абстрагирования, что открывает возможность исследования локально производимых практик. Эти практики не случайны, но и не определены всецело формальными правилами. В ходе осуществления практик их формальные и неформальные составляющие взаимно конституируют друг друга, однако правила производства порядков (формальный элемент) понимаются не в качестве абстракции, а в качестве конкретного способа производства порядка в прошлом (*post hoc*), обнаруживаемом в настоящем.

Подобный концептуальный акцент входит в противоречие с нормативным пониманием социального порядка Парсонса, что позволило Гарфинкелю расчертить пространство для этнометодологического проекта на раннем этапе интеллектуальной биографии. Критика теоретического мышления в реификационизме Парсонса распространилась и на теоретизацию «точки зрения актора» Шюца.

С радикализацией понимания социального порядка на позднем этапе интеллектуальной биографии Гарфинкеля, радикализации подвергается и «праксеологическое правило». Это правило теперь относится не к следованию интерпретативным ориентациям акторов в совместном конституировании порядков, а к следованию автохтонному конститутивному порядку, не требующему никакой специальной теории. Если категории мышления являются производными от совместно осуществляемых практик, что предполагает «эпистемологический аргумент Дюркгейма», то этнометодология, подхватывая интуицию следования социальным феноменам, развивает феноменологическую и прагматистскую стратегии мышления, утверждая наличие порядка в самих феноменах, не зависящих от возможности постановки законов их упорядочивания, поскольку они производятся локально.

Литература

- Баньковская С. (2014). Эмпирическая феноменология // Социологическое обозрение. Т. 13. № 1. С. 171–175.
- Баньковская С. (2023). Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Владимир Даль.
- Блур Д. (2002). Витгенштейн как консервативный мыслитель // ЛОГОС. Т. 5–6. № 35. С. 1–18.
- Гарфинкель Г. (2011). Парсонс для начинающих. Для применения *ad hoc*. Глава 4. «Адекватные» описания социальных структур // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2.

- Гарфинкель Г.* (2012). Что такое этнометодология?* // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 144–154.
- Гарфинкель Г., Сакс Х.* (2003). О формальных структурах практических действий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. Т. 11. № 2. С. 99–139.
- Дьюи Д.* (2003). Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика.
- Дюркгейм Э.* (2021). Правила социологического метода. М.: Издательство АСТ.
- Корбут А.* (2013). Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. Т. 1–2. С. 9–26.
- Корбут А. М.* (2014). Концепция конститутивного порядка в этнометодологической традиции. Дисс... канд. соц. наук (22.00.01). М.: Высшая школа экономики.
- Мерло-Понти М.* (1999). Феноменология восприятия. СПб.: Ювента.
- Парсонс Т.* (2002). О структуре социального действия. М.: Академический проект.
- Рейнюк А., Широков А.* (2017). Этнометодология видеоигр: феноменальное поле в игровой практике // Социологическое обозрение. Т. 16. № 3. С. 233–279.
- Роулз Э.* (2014). Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социологическое обозрение. Т. 13. № 2. С. 84–140.
- Филиппов А.* (2009). Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 113–122.
- Щюц А.* (2004). Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Щюц А., Парсонс Т.* (2021). Теория социального действия: переписка. М.: Элементарные формы.
- Anderson R. J., Hughes J. A., Sharrock W. W.* (1985). The relationship between ethnomethodology and phenomenology // Journal of the British Society for Phenomenology. Vol. 16. № 3. P. 221–235.
- Bjelic D. I.* (1996). Lebenswelt structures of Galilean physics: The case of Galileo's pendulum // Human Studies. Vol. 19. № 4. P. 409–432.
- Depraz N.* (1993). L'ethnologue, un phénoménologue qui s'ignore? L'apport de la phénoménologie aux sciences sociales // Geneses. Vol. 10. P. 108–123.
- Dewey J.* (1910). How we think. Boston, New York, Chicago: D. C. Heath and CO., publishers.
- Fele G.* (2008). The phenomenal field: Ethnomethodological perspectives on collective phenomena // Human Studies. Vol. 31. № 3. P. 299–322.
- Garfinkel H.* (1952). The perception of the other: a study in social order. Cambridge, Massachusetts: Harvard University.
- Garfinkel H.* (1956). Some sociological concepts and methods for psychiatrists // Psychiatr Res Rep Am Psychiatr Assoc. № 6. P. 181–198.
- Garfinkel H.* (1977). When is phenomenology sociological? // The Annals of Phenomenological Sociology. Vol. 2. P. 1–40.
- Garfinkel H.* (2007). Lebenswelt origins of the sciences: Working out Durkheim's aphorism — Book two: Workplace and documentary diversity of ethnomethodological

- studies of work and sciences by ethnomethodology's authors: What did we do? What did we learn? // *Human Studies*. Vol. 30. № 1. P. 9–56.
- Garfinkel H.* (2006). *Seeing sociologically: the routine grounds of social action* / Ed. by A. W. Rawls. Boulder, London: Paradigm Publishers.
- Garfinkel H.* (2019). *Harold Garfinkel: Parsons' primer*. Paris, Siegen: J. B. Metzler.
- Kelly R.* (2004). *Order! Order!–Functionalism, Interactionism, and Ethnomethodology–Modernity and Agency* // *Symbolic Interaction*. Vol. 27. №4. P. 573–584.
- Lieberman K.* (2013). *More studies in ethnomethodology*. New York: State university of New York Press, Albany.
- Lynch M., Eisenmann C.* (2022). *Transposing Gestalt Phenomena from Visual Fields to Practical and Interactional Work: Garfinkel's and Sacks' Social Praxeology* // *Philosophia Scientiæ*, Vol. 26. №.3. P. 95–122.
- Mannheim K., Kecskemeti P.* (1953). *Essays on sociology and social psychology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Peirce C.* (1935). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Volumes V and VI: Pragmatism and Pragmaticism and Scientific Metaphysics*. Massachusetts: Belknap Press.
- Pollner M.* (2012). *The End(s) of Ethnomethodology* // *American Sociologist*. Vol. 43. № 1. P. 7–20.
- Rawls A. W.* (2008). *Editor's Introduction* // *Toward a Sociological Theory of Information*. Boulder, London: Paradigm Publishers. P. 1–100.

The Praxeological Rule of G. Garfinkel: The Specificity of the Ethnomethodological Study of Order

Nikolai Sloboda

PhD Student School of Philosophy and Cultural Studies
Research Assistant, Laboratory of Transcendental Philosophy HSE University
Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066 Russian Federation
E-mail: nsloboda@hse.ru

This article analyzes the “praxeological rule” as a core component of ethnomethodological research policy, exploring its connection to the problem of social order. The author examines the rule in two interconnected aspects: ontological and epistemological. Ontologically, the rule is found in the everyday constitution of social order, while epistemologically, it is proposed by Garfinkel as a principle of inquiry.

The “praxeological rule” allowed Garfinkel to define the conceptual field of early ethnomethodology, focusing on a critique of normative social order and its theoretical understanding, while developing an alternative conception of social order. In the 1970s, ethnomethodology's research policy underwent a transformation, resulting in a more radical understanding of constitutive order. This shift also radicalized the “praxeological rule.” The rule now emphasizes adherence not to actors' interpretive orientations in co-constituting order, but to an autochthonous, constitutive order that requires no special theory.

The article's main contribution is its demonstration that appealing to the idea of the “praxeological rule” is key to understanding ethnomethodology's research policy and its relationship to the

problem of order throughout the evolution of Garfinkel's ideas. This rule allows for the mapping of Garfinkel's phenomenological and pragmatist strategies of thought, which resolve the difficulty of correlating the formal and informal in the production and study of practices that constitute social order.

Keywords: Praxeological rule, social order, routine rationality, autochthonous order, routine practices, situationism

References

- Anderson R. J., Hughes J. A., Sharrock W. W. (1985) The relationship between ethnomethodology and phenomenology. *Journal of the British Society for Phenomenology*, vol. 16, no 3, pp. 221–235.
- Ban'kovskaja S. (2014) Jempiricheskaja fenomenologija [Empirical phenomenology]. *Russian Sociological Review*, vol. 13, no 1, pp. 171–175.
- Ban'kovskaja S. (2023) *Chuzhaki i granicy. Issledovanija po sociologii marginal'nosti* [Outsiders and Borders. Research on the Sociology of Marginality], Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- Batygin G. S. (2003) Strukturnyj funkcionalizm Tolkotta Parsonsa [Structural Functionalism by Talcott Parsons]. *RUDN Journal of Sociology*, no 4-5, pp. 6–34.
- Bjelic D. I. (1996) Lebenswelt structures of Galilean physics: The case of Galileo's pendulum. *Human Studies*, vol. 19, no 4, pp. 409–432.
- Bloor D. (2002) Wittgenstein kak konservativnyj myslitel' [Wittgenstein as a Conservative Thinker]. *LOGOS*, vol. 5–6, no 35, pp. 1–18.
- Garfinkel H. (2011) Parsons dlja nachinajushih. Dlja primenenija Ad Hoc. Glava 4. «Adekvatnye» opisanija social'nyh struktur [Parsons for Beginners. For ad hoc application. Chapter 4. "Adequate" description of social structures]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 1–2.
- Garfinkel H. (2012) Chto takoe jetnometodologija?* [What is ethnomethodology?]. *Russian Sociological Review*, vol. 11, no 3, pp. 144–154.
- Garfinkel H., Saks H. (2003) O formal'nyh strukturah prakticheskikh dejstvij. *Social'nye i gumanitarnye nauki* [On formal structures of practical actions]. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology*, vol. 11, no 2, pp. 99–139.
- Depraz N. (1993) Lethnologue, un phénoménologue qui s'ignore? L'apport de la phénoménologie aux sciences sociales. *Geneses*, vol. 10, pp. 108–123.
- Dewey J. (2003) *Rekonstrukcija v filosofii. Problemy cheloveka* [Reconstruction in philosophy], Moscow: Respublika.
- Dewey J. (1910) *How we think*, Boston, New York, Chicago: D. C. Heath and CO., publishers.
- Durkheim E. (2021) *Pravila sociologicheskogo metoda*, Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Fele G. (2008) The phenomenal field: Ethnomethodological perspectives on collective phenomena. *Human Studies*, vol. 31, no 3, pp. 299–322.
- Garfinkel H. (1952) *The perception of the other: a study in social order*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University.
- Garfinkel H. (1956) Some sociological concepts and methods for psychiatrists. *Psychiatr Res Rep Am Psychiatr Assoc*, no 6, pp. 181–198.
- Garfinkel H. (1977) When is phenomenology sociological? *The Annals of Phenomenological Sociology*, vol. 2, pp. 1–40.
- Garfinkel H. (2007) Lebenswelt origins of the sciences: Working out Durkheim's aphorism — Book two: Workplace and documentary diversity of ethnomethodological studies of work and sciences by ethnomethodology's authors: What did we do? What did we learn? *Human Studies*, vol. 30, no 1, pp. 9–56.
- Garfinkel H. (2006) *Seeing sociologically: the routine grounds of social action* (ed. by A. W. Rawls), Boulder, London: Paradigm Publishers.
- Garfinkel H. (2019) *Harold Garfinkel: Parsons' primer*, Paris, Siegen: J. B. Metzler.
- Kelly R. (2004) Order! Order!—Functionalism, Interactionism, and Ethnomethodology—Modernity and Agency. *Symbolic Interaction*, vol. 27, no 4, pp. 573–584.

- Korbut A. M. (2013) Gobbsova problema i dva ejo reshenija: normativnyj porjadok i situativnoe dejstvie [Hobbes' problem and its two solutions; normative order and situational action]. *Sociology of Power*, vol. 1–2, pp. 9–26.
- Korbut A. M. (2014) Konceptcija konstitutivnogo porjadka v jetnometodologicheskoj tradicii [The Concept of Constitutional Order in the Ethnomethodological Tradition] (PhD Thesis), Moscow: Higher School of Economics.
- Liberman K. (2013) *More studies in ethnomethodology*, New York: State university of New York Press, Albany.
- Lynch M., Eisenmann C. (2022) Transposing Gestalt Phenomena from Visual Fields to Practical and Interactional Work: Garfinkel's and Sacks' Social Praxeology. *Philosophia Scientiæ*, vol. 26, no 3, pp. 95–122.
- Mannheim K., Kecskemeti P. (1953) *Essays on sociology and social psychology*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Merleau-Ponty M. (1999) *Fenomenologija vosprijatija* [Phénoménologie de la perception], Saint-Petersburg: Juventa.
- Parsons T. (2002) *O strukture social'nogo dejstvija* [Structura of social action], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Peirce C. (1935) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Volumes V and VI: Pragmatism and Pragmaticism and Scientific Metaphysics*, Massachusetts: Belknap Press.
- Pollner M. (2012) The End(s) of Ethnomethodology. *American Sociologist*, vol. 43, no 1, pp. 7–20.
- Rejnjuk A., Shirokov A. (2017) Jetnometodologija videoigr: fenomenal'noe pole v igrovoj praktike [Ethnomethodology of Video Games: The Phenomenal Field in Gaming Practice]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 233–279.
- Rawls A.W. (2008) Editor's Introduction, *Toward a Sociological Theory of Information*, Boulder, London: Paradigm Publishers, pp. 1–100.
- Rawls A. W. (2014) Jepistemologija Djurkgejma: nezamechennyj argument [Durkheim's epistemology; the neglected argument]. *Russian Sociological Review*, vol. 13, no 2, pp. 84–140.
- Schutz A. (2004) *Izbrannoe: mir, svetjashhij sja smyslom* [Favorites: A world glowing with meaning], Moscow: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN).
- Schutz A., Parsons T. (2021) *Teorija social'nogo dejstvija: perepiska* [Theory of social action: correspondence], Moscow: Jelementarnye formy.
- Filippov A. (2009) Aktual'nost' filosofii Gobbssa. Stat'ja vtoraja [The relevance of Hobbes' philosophy. Article two]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 113–122.